

АПОЛОГЕТ И ПЛЕННИК СВОБОДЫ

М.Н. ГРОМОВ

Вехи жизненного пути

Оригинальный философ, блестящий публицист, обладатель несомненного литературного дарования, умелый организатор и видный общественный деятель — Николай Бердяев — человек, обладавший мощью разносторонних талантов. Велико его значение для русской эмиграции, европейской культуры и нынешней возрождающейся посткоммунистической России, которую он предвидел и мечтал увидеть в годы трагического отрыва от Родины, но до появления которой ему не было суждено дожить.

Из отпущенных Николаю Александровичу 74 лет земной жизни (а родился он в 74 г. XIX столетия) 26 он прожил в эмиграции, на которую приходится финальный период его творчества. Высланный из Советской России в 1922 г., он около двух лет проводит в Берлине, где пишет и издает ряд работ, в том числе эссе «Новое средневековье», переведенное на несколько языков и принесшее ему не только европейскую, но и мировую известность. Однако вольнолюбивый мыслитель не очень уютно чувствует себя в цитадели прусской государственности и стремится дальше на Запад. Во Франции, на родине своих предков по материнской линии, он находит прибежище под Парижем, в Кламаре, где в доступной близости от центра русской эмиграции и разумной удаленности от шумной столичной жизни он проводит уединенные и вместе с тем напряженные годы завершающей творческой работы, итогом которой явились фундаментальные труды «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939), «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» (1946), «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1947) и ряд других. После кончины Бердяева были опубликованы «Самосознание. Опыт философской автобиографии» (1949), «Царство Духа и царство Кесаря» (1949) и ряд других известных в философском мире его работ. Наиболее обстоятельное 5-томное издание его трудов дважды было издано В. Дитрихом на немецком языке¹. В Париже вышло 4-томное издание на русском языке². Несмотря на эти и иные издания, в том числе отдельных книг и статей, обширное наследие Н.А. Бердяева, частично еще не опубликованное, ждет фундаментального исследования и академического издания.

Особые страницы в жизни великого мыслителя составляют организация в Париже Религиозно-философской академии, во многом аналогичной Вольной академии духовной культуры, короткое время

существовавшей в послереволюционной Москве, работа на посту главного редактора издательства УМКА-Press и, в особенности, издание ежеквартального журнала «Путь», преемника одноименного московского издательства, декларировавшего себя в качестве «органа русской религиозной мысли». Также Н.А. Бердяеву принадлежит как автору наибольшее число статей и рецензий (48 и 51 соответственно)³. Выходивший с 1925 по 1940 г. журнал стал заметным событием в истории русской эмигрантской и европейской мысли. С ним сотрудничали наиболее интересные и значительные представители русской философской и религиозной мысли, а также католические, протестантские, англиканские авторы.

Заслуги Бердяева высоко ценились в цивилизованной Европе. Ему было присвоено почетное звание доктора теологии Кембриджского университета в 1947 г. Незадолго до его смерти рассматривался вопрос о выдвижении Николая Бердяева на звание лауреата Нобелевской премии. В годы нацистской оккупации немцы не тронули русского философа, хотя он занял недвусмысленную патриотическую позицию и всем сердцем желал победы СССР, за что прослыл левым в среде русской эмиграции. Впрочем, у него с ней и ранее были сложные отношения.

Тяжело переживая изгнание из большевистской России, где подавлялась столь дорогая ему свобода духа, он не обрел ее и в казалось бы благословенной демократической Европе: «Я был выслан из советской России именно за реакцию свободы духа. Но в Западной Европе я вновь пережил психическую реакцию, и притом двойную, реакцию против русской эмиграции и против буржуазно-капиталистического общества Европы. В русской эмиграции я увидел то же отвращение к свободе, такое же ее отрицание, как и в коммунистической России»⁴.

По мнению Бердяева, и большевизм, и антибольшевизм обоюдно несвободны. Русскую революцию и последующие перемены на многострадальной Родине он оценивает не с крайних апологетических или критических позиций, но как социальный взрыв, тектонический сдвиг, цивилизационный и мировоззренческий переворот, усматривая, однако, единство и глубокий внутренний онтологический смысл в развитии древней, старой и новой России, как он это описал для поверхностного западного читателя в книге «Истоки и смысл русского коммунизма»⁵. Симптоматично также название одной из его статей — «Правда и ложь коммунизма»⁶.

Говоря о Бердяеве в период эмиграции, нельзя не вспомнить всю его сложную жизненную и духовную одиссею, напоминающую эволюцию русской мысли в целом и в концентрированном виде выражающую осмысление трагического опыта России в XX в. Он не метался из стороны в сторону и не менял своих взглядов, но, подобно

о. Сергию Булгакову, П.Б. Струве, С.Л. Франку и другим современникам, мучительно пробирался к истине, ко все более сущностному пониманию перемен, происходивших с ним и его страной, его народом, его культурой. Поэтому творчество Николая Бердяева отличается страстностью сопереживания, удивительными пророческими прозрениями и глубоким экзистенциальным погружением в изменяющееся бытие. Обратимся же к истокам его жизни.

Родившись в Киеве и прожив здесь более 20 лет в самый важный, начальный период своей жизни, он не мог не воспринять, не запечатлеть, не укрепить в себе то, что дает человеку пребывание в этом неповторимом граде. Ощущение ауры «матери городов русских», созерцание древних святынь и памятников культуры, пребывание «под сигнатурой Софии» (С.Б. Крымский), т.е. под покровительством Премудрости Божией, понимание того, что ниже города проходила некогда граница «леса» и «степи» — цивилизационное порубежье между христианской Европой и пестрой Азией, почтительное отношение к духовной аскезе печерских старцев и вместе с тем нежелание ограничить свою широкую, буйную полуязыческую славянскую натуру — все это, как и многое другое, было впитано, воспитано, заложено в Киеве⁷.

Мы часто ищем в биографии философа теоретические основы его творчества, забывая невербальные источники вдохновения, которые могут оказаться не менее, а, быть может, и более важными для понимания его творчества. Наиболее существенно данное обстоятельство в том случае, когда речь идет о таком ярко публицистичном, художественно одаренном, эмоционально выразительном мыслителе, каким являлся Николай Бердяев. Воспринятые им первоначальные визуальные, экспрессивные, смутные образы позднее трансформировались в вербализированные, рационализированные, отчетливо выраженные философемы, воплощенные в блестящей стилистике.

Склад мышления и стиль выражения

При чтении работ Бердяева сразу обращает на себя внимание и завораживает его вдохновенный, увлекающий, пророческий склад мышления и образный стиль выражения мысли, столь характерный для отечественного способа философствования — от Илариона Киевского до Льва Толстого. Гений прорывается в чеканном стиле, бездарность изъясняется бесцветным языком. Вспомним, как совсем недавно мы упивались слогом, стилистикой, поэтикой текстов запрещенных философов, в том числе авторов «Вех», среди которых был и Бердяев, читая их среди редких посетителей спецхранов. Какой контраст по сравнению с суконным, дубовым, жестко регламентированным, обезличенным языком тогдашней официальной философии!

Эта особенность отечественной философской традиции, присущая лучшим ее представителям (и вовсе не исключая иных манер

владения речью, вплоть до тех, которые делают ее весьма темной и косноязычной), связана с благотворным влиянием греческого, эллинского, византийского синтеза слова и мысли, любви к Логосу и Софии, союза филологии и философии. Наиболее почитаемые и читаемые Иоанн Златоуст, Василий Великий, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин и другие представители восточной патристики воспитывали искусство владения словом и мыслью в их неразрывном единстве. Благотворно и воздействие кирилло-мефодиевской школы, сформировавшей на основе византийских образцов литературную, богословскую и философскую традицию, взятые в их единстве, в регионе *Slavia orthodoxa*, т.е. в восточно и южнославянском православном ареале⁸.

Вместе с тем, восхищаясь языком творений Бердяева, следует заметить, что его индивидуальный стиль иногда чрезмерно эмоционален, напорист, экстагичен, а это тенденциозно заостряет, порой даже деформирует мысль. Креативная, пассионарная работа его мозга как бы выплескивала льющиеся слова на написанные зачастую без абзацев и иных визуальных ограничений страницы, отражая скорее поток непрерывно пульсирующего сознания, нежели трезвую, обстоятельную работу интеллекта. Он сам признавался, что пишет «единым порывом, почти в состоянии экстаза», что его мышление «интуитивно и афористично», что в нем отсутствует «дискурсивное развитие мысли»⁹. Неспособность остановиться и объективно оценить ход своих размышлений приводит нередко к крайним оценкам. В качестве примера можно привести фрагмент из «Русской идеи», где говорится о полемике преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, причем последний в резких словах изображается «сторонником христианства жесткого, почти садического, властолюбивого, врага всякой свободы»¹⁰. Передержки здесь столь же очевидны, сколь и показательны.

Стремление заострить свою мысль, довести ее до предела, сделать шокирующим тезисом невольно порождает обратное стремление уравновесить ее противоположным антитезисом, столь же заостренным и парадоксальным. В гибкой манере использования отчасти античного диалога, отчасти немецкой диалектики построен ряд произведений Бердяева, стремившегося упорядочить необузданную стихию своего мышления. Удачно в этом отношении его эссе «*Душа России*», где антиномичность национального бытия рассмотрена в антиномичности национального самосознания, где крайнему тезису: «Россия — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире», — противопоставлен не менее тенденциозный: «Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире». Сопряжение противоположностей выделяется и в духовной жизни: «Ангельская святость и зверская низость — вот вечные колебания

русского народа, неведомые более средним западным народам». Заметим, русского в широком смысле — достаточно вспомнить образы страстотерпцев Бориса и Глеба и их убийцы Святополка¹¹.

В борьбе подобных начал видит Бердяев динамику отечественной истории. И он прав. Но как за общим утверждением нарисовать неискаженную панораму подлинного исторического развития, вскрыть механизм действия социальных институтов, показать борьбу разнообразных течений мысли и выразить ход непредсказуемой цивилизационной эволюции? Эскизно он пытается это сделать, но мазки его экспрессивной кисти неровны, они то попадают в цель — и мы видим пронизательные прозрения — то выражают скорее внутренний мир художника, нежели им изображаемое — и мы видим яркую самохарактеристику. Впрочем, это общее свойство креативной манеры гениев, где бы и как бы они ни творили: в живописи, в музыке, в слове. Поэтому творения Бердяева представляют помимо прочего яркий творческий автопортрет, и тем они еще более интересны.

Пророк и апостол

Помимо эллинского, переданного через византийское посредничество, на восточнославянскую мысль сильное воздействие оказала ближневосточная, библейская (в ветхо- и новозаветной интерпретациях) культура. И Бердяев прекрасно вписывается в эту давнюю отечественную традицию. Его неслучайно называли пророком и апостолом в различных словосочетаниях. Он запомнился современникам как «пророк» и «апостол свободы». В нем явственно проступает библейский пафос творения, дар мистического прозрения, сочетаемый с беспощадным обличением греха и непримиримым отвращением к мерзостям мира сего, в том числе к безбожной власти и бездуховной цивилизации. Бердяев был несомненно философом пророческого типа, подобным Вл. Соловьеву. Свободное обличение свободной мысли, исходящее от свободного пророка — такова максима его философской воли.

Часто говорят и пишут о **публицистичности** Бердяева, но не в смысле поверхностного и преходящего характера его творчества, а в смысле открытости широкому читателю, риторичности, убедительности, ясности стиля. Он является едва ли не самым переводимым и читаемым в мире русским философом. В нем отечественная мысль обрела одного из великих продолжателей давней учительской, просветительской, наставнической традиции. Он предстает не как затворившийся в келье схоласт, не как утонувший среди книг кабинетный ученый, весьма уважаемый и мало понимаемый людьми, но как открытый для них проповедник, исповедник и мученик своих идей, чувствующий пульс жизни, напряжение социума, поступь истории, понимающий чаяния братьев своих и в сильнейшей степени их выражающий. Это,

впрочем, не мешало ему иметь прекрасную библиотеку, наслаждаться уединенным чтением книг, духовно общаться с великими предшественниками и пребывать, когда это требовалось, в сосредоточенном молчании. Равно как не мешало активно участвовать в научной и культурной жизни тех стран, где ему приходилось бывать и жить. Разумеется, он не был трибуном на площадях, но обращался к современникам в остроумных беседах, концептуальных докладах, многочисленных статьях и главное — в книгах, носящих исповедальный характер, независимо от сюжетов и проблем, в них затрагиваемых.

Здесь следует отметить, что помимо сознательного или бессознательного следования традициям отечественного философствования, в творчестве Бердяева проступает действие мощного западного духа, великой латинской культуры, развитого европейского менталитета. Его вдохновляла средневековая немецкая мистика, в концепциях Якоба Бёме об *Ungrund* он искал онтологическое обоснование своего понимания свободы, сетовал на отсутствие рыцарства на Руси и считал свою Родину слишком мягкой, женственной, пассивной, требующей активного, мужского, волевого дополнения, к которому призывал ради ее преображения. Впрочем, снова следует заметить, что увлечение Западом, равно как иным, манящим, чужеземным, также является одной из типичных черт отечественной культуры и, в особенности, философской мысли, рвущейся за пределы привычного круга идей и явлений.

Тяга к иноземному (сочетающаяся с уравнивающей ее тенденцией неприятия всего инородного как инстинктивной защитой своего родного) отражает стремление преодолеть культурное и геополитическое периферийное положение дореволюционной России, которая при всей своей огромности есть, по словам Бердяева, «уединенная провинция». Нахождение в стороне от центров западной и восточной цивилизаций издавна побуждало интерес к ним. Менялись векторы притяжения, но само желание преодолеть местную ограниченность всегда существовало. Вначале доминировал южный вектор общения с восточносредиземноморской ойкуменой — Византией, Святой землей, Балканами. После османского нашествия и падения Константинополя южный вектор ослабевает, начинает постепенно возрастать действие вектора западного, на Украине и в Белоруссии раньше, в Московской Руси позже, достигшее своего апогея после Петровских реформ. В XX в. в Европе и в России начинают все более обращать взоры на Восток, усиливаются евразийские настроения. Бердяев пророчески предвосхищает особую историческую миссию своей Родины, являющейся «узлом всемирной истории», в преодолении европоцентризма и создании планетарной макроцивилизации, ибо она, Россия, в широком смысле слова, занимающая место посредника между Востоком и Западом, «являющаяся Востоко-Западом,

призвана сыграть всемирную роль в приведении человечества к единству»¹².

Смысл истории

У Бердяева, как и у многих отечественных мыслителей, начиная с летописца Нестора, проступает глубокая **историософичность** мышления. Традиционный интерес к проблемам исторического, геополитического, цивилизационного развития в русской философии не случаен. Он определяется действием многих факторов. Одним из них является незавершенность, неформленность, неясность в освоении того огромного пространства, которое, располагаясь на евразийском разломе, постоянно находится под действием сильнейших внешних заинтересованных сил. От летописного эпизода выбора веры при князе Владимире до современных попыток выработки устойчивой геополитической позиции между Европой, Азией и Америкой, идет постоянный политический, цивилизационный, интеллектуальный поиск, сопровождающийся напряженной работой мысли, в том числе философской, о судьбе России в меняющемся мире.

Напряженность особенно возрастает в катастрофичные, переломные по своей значимости эпохи. Бердяев пытался понять сокрытый, глубинный смысл войн и революций, предвосхитить те великие тектонические сдвиги, к которым они могут привести. Он мог ошибаться по поводу конкретного хода и предварительных итогов I мировой войны, о чем свидетельствует сборник статей «Судьба России», вышедший в 1918 г., но основные тенденции европейского и мирового развития не в их внешней событийной последовательности, а в их внутренней причинной связи он своим пророческим чутьем ощущал верно. Бердяев предвосхитил и «новое средневековье», и появление тоталитарных режимов, и наступление технократии, и рост влияния США и азиатских государств, в том числе Китая, и даже рост фундаменталистских настроений и погружение в длительный период межэтнических, межконфессиональных, межцивилизационных конфликтов. Не оставаясь безучастным к развитию событий, он выступал против отчуждения, дегуманизации, подавления человека, всегда оставаясь рыцарем свободы, иногда одиноким и, быть может, несколько странным, вроде Дон Кихота, для нашего расчетливого и циничного времени.

Историософичность Бердяева тесно связана с **эсхатологичностью** и **мессианизмом**, что можно наблюдать не только у отдельных наших мыслителей, но и в отечественной мысли в целом. Эсхатология проистекает из христианского финалистического учения о конце света и Страшном суде, событиях, которые Бердяевым интерпретируются как конец Земной истории и начало вечной, где в божественной гармонии будут сняты предшествовавшие противоречия. Мессианизм

порожден религиозным ветхозаветным сознанием, имеет вселенскую направленность и различные интерпретации. Бердяев рассматривает еврейский мессианиззм богоизбранного народа, германский – высшей расы, страдательный польский и русский, «по преимуществу апокалиптический».

Отечественный мессианизм существует не в чистом виде, но смешан с национализмом и великодержавностью. Христианское смирение противостоит имперской гордыне, горний мир Святой Руси – земному царству кесаря. В качестве такового выступали державы царей московского периода, императоров петербургского, партийных вождей советского. Через века пронесена скрепляющая российскую государственность доктрина «Москва – Третий Рим», имеющая мессианское содержание, но служащая политическим целям. Пожалуй, Бердяев преувеличивает «империалистический соблазн» данной доктрины, ибо она была не столько утверждением гегемонизма России, сколько средством упрочения ее позиции в европейском мире, где концепция *Roma aeterna* (Рима вечного) являлась общезначимой и вписываемой в политическое и правовое западное самосознание. Русские же истоки ее уходят в эпоху домонгольской Руси, к политическим взглядам древнерусских мыслителей, к «Слову о Законе и Благодати» Илариона, где выражена идея величия Киевской Руси, а Владимир Святой назван «новым Константином» восточнославянской державы.

Кто знает, может, если бы монгольское нашествие не разрушило единство Древней Руси (которое существовало, несмотря на междоусобицу и соперничество отдельных земель и княжеств), то Киев как восточнославянская столица мог бы претендовать на роль «Третьего Рима». Во всяком случае, под «Третьим Римом» подразумевался не конкретный город, а столица православного восточнославянского царства, каким в силу исторических обстоятельств стала Москва, затем эта роль перешла к Петербургу, а позднее снова вернулась к Москве.

Что же касается III Интернационала, являющегося, по мнению Бердяева, новейшей разновидностью классической имперской идеи, то здесь им верно уловлена тенденция эволюции российского большевизма от открытого интернационализма революционного периода до закрытого тоталитаризма советского. Вместе с о. Сергием Булгаковым и другими пронизательными критиками марксизма он отмечал его религиозную подоснову, указывал на мессианские чаяния, квазинаучную терминологию, фанатизм неофитского плана, стремление утвердить себя в мировом масштабе в качестве новой веры, нетерпимой к другим и потому их неистово преследующей. Атеизм им представлен как разновидность богоборческого сатанизма.

Интересны и мысли Бердяева о связи ландшафта природного и мыслительного в отечественном самосознании: «Есть соответствие

между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной»¹³. Огромность слабо освоенного пространства не только порождает чувство приволья, но и лишает дисциплины формы. Бердяев говорит вполне справедливо о доминировании экстенсивных способов развития в ущерб интенсивным. Эта же привычка связана с максимализмом, желанием построить нечто новое либо на другом месте, либо путем разрушения, а не идти по пути совершенствования старого. Так уходили в степь казаки, в Сибирь — переселенцы, на Балтику — Петр I, основывая нечто невиданное в отечественной истории: по-немецки названную и по-немецки построенную новую столицу, протестантски противопоставившую себя старой православной Москве и католическому Риму как хранителю престола святого апостола Петра.

Бердяев немало говорит о темной, нутряной, «языческой дионисической стихии» славянского народа, которую веками пытались усмирить христианство, но она прорывалась в бунтах, восстаниях и разразилась в XX столетии разрушительными революциями, которые смели старую Россию с ее привычным укладом жизни и традиционными ценностями. Подняла же темные силы народа радикально настроенная часть просвещенной интеллигенции, вместо света знания давшая массам факел всеобщего пожара, Гражданской войны и классовой ненависти. Языческие славянские силы смели и церковь, построенную по греческому образцу, и бюрократию, созданную по образцу германскому. Когда же народная стихия вошла обратно в берега, обнаружились новые правители страны, новые лозунги, новая идеология и новый порядок вещей, который оказался тяжелее царского. Бердяев предчувствовал недолговечность коммунизма на родной земле и надеялся на другую, новую, постсоветскую Отчизну. Его пророческие видения помогают лучше осмыслить наш современный путь и реалии современной России, Украины, Белоруссии.

Апология свободы и творчества

Любовь к родной природе, истории, культуре у Бердяева сочетается с враждебным отношением к «**гипертрофии государства**» и «**тоталитарному режиму**» власти, подавляющим все живое, вольное, самобытное. Умом он понимает, что без сильной государственности стране не выжить, не удержать огромные пространства, не преодолеть эгоизм этносов, социальных слоев и регионов. Но сердце «апостола свободы» протестует и возмущается против несвободы. В извечной дилемме «власть — человек» он без сомнений занимает позицию защиты личности и оправдания ее суверенитета, но не в правовом, гражданском, рациональном отношении, как сделал бы это типичный западный философ, а в нравственном, религиозном, иррациональном, как это делали в большинстве своем отечественные мыслители. Бердяев выступает ярким представителем **христианского персонализма**, борником **антроподицеи**, отстаивая самоценность индивида, неповто-

римость человеческой души, безусловное право личности на **свободу**, которая оказывается важнейшей категорией бытия, неподвластной даже Создателю и онтологически присутствовавшей еще в дотварный период. В бердяевской апологии свободы можно усмотреть еретический и, если идти дальше, богоборческий соблазн. Но это был бунт не против Бога, а против несвободы во всех ее проявлениях и аргумент в борьбе был избран самый сильный, из которых может выбрать философ, — **онтологический**.

В старой России в условиях тотальной несвободы всегда существовало социальное напряжение, которое породило предэкзистенциализм в лице Достоевского и Шестова. Бердяев, говоривший о себе: «Я — дитя Достоевского», примыкает к этой линии развития отечественной мысли¹⁴. Контраст всеподавляющего государства и жертвенно подвластного ему человека не мог не вызвать экзистенциальных настроений, но вместе с тем Отечество нуждалось в преданно служащих ему гражданах, в сильном служилом сословии. Драма Бердяева состоит в том, что он, будучи дворянином, потомственным военным, по долгу призванным к государевой службе, отринул семейную традицию. Он бросает учебу в кадетском корпусе, ввязывается в революционную деятельность, исключается из университета, становится типичным антигосударственным элементом, из которых вербовались будущие разрушители Российской империи. Быть может, здесь сказалась бунтующая горячая казацкая кровь предков по отцовской линии или проявилось рыцарское достоинство не терпящей деспотизма французской крови по материнской, доставшееся от прабабушки графини де Шуазель. Во всяком случае, генетический код представителей анархизма, бунтарства, революционизма, к которым в определенной степени принадлежал Бердяев, не должен быть исключен из рассмотрения как предполагающийся фактор.

Выступая против российской и любой иной тирании, Бердяев видел спасение человека не в отстаивании своего эгоистического индивидуализма, но в защите права на достойное существование, на созидательное творчество, реализуемое в духовном прорыве к истине и соборном соединении людей. Вместе с апологией свободы он одержим **апологией творчества**. Человек, созидая новое, до него не существовавшее, становится сопричастным Творцу. Творение мира продолжается, креационизм непрерывен. Особенно значим он в деятельности наиболее одаренных и творчески продуктивных людей. Не случайно в «Смысле творчества», одном из наиболее откровенных и программных ранних сочинений мыслителя, утверждается: «Культ святости должен быть дополнен культом гениальности»¹⁵. Эта максима, невозможная для благочестивого сознания верующего человека, давно стала реальностью в секуляризованном обществе, достигая иногда гипертрофированного идолопоклонства перед кумирами толпы.

В связи с пониманием свободы Бердяевым хотелось бы затронуть проблему своеобразия русской интерпретации этого понятия,

выработанной многовековым историческим опытом, поскольку по поводу свободы существует много профанаций и заблуждений. Бесспорно, русский человек ненавидит азиатский деспотизм — Орда этому научила. Но было бы слишком наивно думать, что Запад есть олицетворение и средоточие свободы, что только от него всегда шла лишь свобода, а несвобода — исключительно с Востока. Ливонский орден во времена ордынского нашествия был не менее страшным врагом, беспощадно подавлявшим всякое сопротивление и уничтожавшим непокорных, как были уничтожены и ассимилированы ранее прусы, посмеявшие сопротивляться немецкой колонизации. Эйзенштейн и Прокофьев в фильме «Александр Невский» создали впечатляющий образ германской военной машины, бронированной «свиньей» надвигающейся на Русь, Бердяев и многие его современники накануне и во время Первой мировой войны не только в России, но и в Европе, в частности во Франции, говорили о «новом тевтонском нашествии» и германском милитаризме, угрожавшем западным и восточным соседям империи Вильгельма.

Петр Великий, считающийся «вестернизатором» России, тем не менее, сохранил жесткий, абсолютистский курс в системе государственного управления, что во многом повлияло на установление и в дальнейшем педантичных порядков, например по образцу прусской казармы, поклонниками которой являлись Петр III, Павел I и в особенности Николай I, устроивший, по словам Бердяева, «жуткий режим прусского юнкера». В Европе зародился и марксизм, который был заимствован и своеобразно интерпретирован некоторыми представителями русской мысли, хотя он был лишь одной из представленных в российском политическом спектре идеологий, пришедшей к нам с Запада. Не стоит забывать и про нацизм, охвативший на короткий промежуток времени часть стран Европы. Из Европы шли к нам свет знаний, плоды просвещения, передовые технологии, великая музыка, литература, философия. Но и в самой Европе были как светлые, так и темные страницы истории.

Русский человек внешне кажется пассивным конформистом, внутри же он — бунтарь, который не хочет подчиняться ни восточной тирании, ни западной регламентации, одинаково лишаящих его свободы. Социальная пассивность — форма инстинктивного самосохранения, неприятия, отторжения внешнего чужого и сбережения внутреннего своего, особенно в области духовной жизни. Бердяев в сильнейшей степени был выразителем именно этой стороны славянского духа. «Всю мою жизнь я был бунтарем», — ясно заявлял философ, который бунтовал подобно еретика против официальной церкви, подобно крестьянину — против барского произвола, подобно недоучившемуся студенту — против казенной системы образования, где умерщвляется живая творческая душа. Иногда он кажется похожим на неистового протопопу Аввакума или какого-нибудь представителя казацкой вольницы, но воспитанного на европейский манер в стиле немецкой мистики и романтизма, потому внешне он видится

славянским по духу, но одетым в западные латы рыцарем, борющимся против тотального зла и несвободы в эпоху нового Средневековья.

Одинокий пленник свободы

Однако бунтарь свободен от всего, кроме своих страстей, он их пленник и раб. Поэтому справедливо М. Спинка переименовал Бердяева из «фанатика свободы» в «пленника свободы»¹⁶. Бердяеву чуждо уважение к преданию, к традиции, он всегда иррационально субъективен, не знает границ и рамок, постоянно в творческом забвении, творческом иступлении, творческом самовыражении, что для него, в конечном счете, есть высший критерий и смысл существования. В этом плане Николай Бердяев резко отличается от о. Сергия Булгакова и о. Павла Флоренского, развивавших православную традицию и с почтением к ней относившихся. Но полемика есть тоже разновидность связи, хотя и с отрицательным знаком, быть может, даже более глубокая и болезненная, чем спокойное отношение к традиции.

Есть в судьбе Бердяева еще одна особенность, печальная по своей сути, которая роднит его со многими нашими гениальными людьми — **одиночество**. Многие отечественные мыслители блистали умом и талантом, но не было у них учеников, не было школы, не было систематизации знания, чем издавна отличался Запад с его последовательным накоплением материальных и духовных ценностей, в отличие от нашего расточительного к ним отношения. Бердяев подобен Сковороде, Чаадаеву, Достоевскому, Розанову — тем ярким вспышкам великого ума, за которыми нет учеников, последователей, направлений. Но может, это и не так уж плохо? Представим себе учеников Достоевского, перенимающих его трагический экзистенциальный опыт. Они были бы столь же забавны, сколь забавны были босоногие, обрюзгшие интеллигенты-толстовцы, своеобразные литературно-философские сектанты начала прошлого века. «Опыт философии одиночества и общения» стал подзаголовком труда Бердяева «Я и мир объектов» (1934), а его пафос антроподицеи вел к антропоцентризму, оправданному в условиях противостояния внешнему давлению тоталитарных систем и идей, но дисгармонирующему с божественным мироустройением.

Оценивая философское наследие Н.А. Бердяева в целом, необходимо сказать следующее. Вопреки внешней нарочитой отрывочности и кажущейся несистематичности мысли, его философия представляет собой цельное учение, объемлющее все традиционные философские разделы. Ключевые идеи сравнительно немногочисленны: это идея **свободы** (откуда вырастает вся онтология мыслителя), идея **творчества** и **объективации** (определяющая представления о мире явлений), идея **личности** (на которой основаны антропология, социальная философия и этика) и, наконец, идея эсхатологического **смысла истории**. Взаимосвязь этих идей создает дуалистическую картину реальности, в которой друг другу противостоят два ряда начал: с одной стороны, Бог, Дух, свобода, ноумен, субъект, с другой — мир, необходимость,

феномен, объект. Эти начала характеризуют два различных рода реальности, или два мира, управляемые противоположными законами. Но оба они не существуют статично и оторвано друг от друга, а взаимодействуют между собой: Дух и свобода прорываются из ноуменального в феноменальный мир и действуют, проявляются в нем. Эта картина в чем-то близка метафизике Канта, понятия которой Бердяев использует, подвергая переосмыслению кантовскую «вещь в себе» (или «вещь саму по себе», как это принято в новейшем переводе).

В учении о человеке и обществе идея объективации приводит к тому, что философия Бердяева оказывается экзистенциальной философией, сосредоточенной на внутренней жизни человека. Как в любой сфере реальности, мыслитель прежде всего стремится выделить начала, подчиненные объективации, и начала, противостоящие ей. В ряду последних на главном месте стоит личность. Это понятие у Бердяева — не эмпирическая индивидуальность, но человек, взятый как творческое и свободное существо. Свободен же человек именно в своей внутренней сфере. Поэтому личность мыслится как «внутренний экзистенциальный центр», средоточие всех духовных и душевных способностей и стремлений, воли и разума человека. Поскольку личность — носитель творчества, то именно ею осуществляется динамика бытия, творческие прорывы духа, и сам мир духа — мир личностей. Поэтому философия Бердяева есть философия личности, персонализм; а в силу интериоризованной, экзистенциальной трактовки личности, это — **экзистенциальный персонализм**.

Личность, противостоящая объективации, стоит в центре социальной философии Бердяева. Носители объективации здесь — безлично-универсальные структуры коллективного, социальные институты. Они стремятся подчинить личность, всецело заключить ее в себя, что подавляет личность, которая по своей природе не должна подчиняться никаким внешним силам. Борьба с объективацией требует признать личность высшей ценностью, однако примат личного над общим не есть индивидуализм и эгоцентризм, ибо стремление к единению с иными людьми изначально присуще личности. Реализацию этой свободной внутренней интенции Бердяев называет «соборностью» и противопоставляет ее принудительной социализации, которую несут личности внешние социальные институты — классы, партии, нации, церкви. Отсюда же вытекает максимализм бердяевской этической установки: высшие нравственные ценности связаны с индивидуально-личным и творческим в человеке, тогда как коллективные ценности — не добродетели, а скорее принципы стадности и рабства. Наконец, этим же определяется и религиозная позиция Бердяева. Будучи верующим человеком и при этом христианским мыслителем, он в то же время выражал критическое, а порою и негативное отношение ко всем овеществленным формам религиозного сознания — догматам, церковной организации, историческому христианству. По его мнению, объективация глубже всего поразила в христианстве догматико-богословскую сферу, а также отношение

к социальной жизни и земной власти. Творческое преодоление объективации должно иметь своей главной целью создание обновленного «эсхатологического христианства».

В заключение хотелось бы задать вопрос: почему сейчас о Бердяеве сравнительно мало пишут, говорят, издают его текстов и книг о нем? Возможно потому, что он не был выразителем только западнической или только почвеннической традиции, оставив язвительные высказывания в адрес обеих, стоя над схваткой, поддерживая «очистительный огонь философии»¹⁷, Бердяев дал живой пример соединения национального и европейского, сочетания любви к Отечеству и признания общечеловеческих ценностей. Родившийся в Киеве, живший в Вологде, Москве, Петербурге, Берлине, умерший в Клараме под Парижем, он принадлежит всему человечеству. Поэтому мы чтим его как великого отечественного и великого европейского философа, чьи идеи, образы, труды навсегда вошли в сокровищницу мировой мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: *Dietrich W.* Provokation der Person. N. Berdjajew in der Impulsen seines Denkens. – Gelnhausen; Berlin, 1974 – 1979 (второе издание, первое вышло в 1965 – 1967).

² См.: *Бердяев Н.А.* Собр. соч. Т. 1 – 4. – Париж, 1983 – 1991.

³ См.: *Аржановский А.* Журнал «Путь» (1925 – 1940). Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. – Киев, 2000. С. 29.

⁴ Написанные в 1939 г. строки содержатся во вступительной части трактата «О рабстве и свободе человека», которая носит характерное название «Вместо предисловия. О противоречиях в моей мысли» (см.: *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря. – М., 1995. С. 10).

⁵ Первоначальное издание 1937 г. вышло на английском и немецком языках, затем появились иные, и только в 1955 г. в Париже ИМКА-Пресс издало книгу на русском языке, языке оригинала. На Родине мыслителя книга в последние годы издавалась многократно.

⁶ *Бердяев Н.* Правда и ложь коммунизма // Христианство, атеизм и современность. – Париж, 1969.

⁷ Показателен в данном плане сборник статей, где опубликованы материалы международной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Бердяева и прошедшей в 1999 г. в его родном городе (см.: *Метаморфозы свободы: спадщина Бердяева в сучасному дискурсі.* – Київ, 2003).

⁸ См.: *Громов М.Н.* Изборник 70. – Тверь, 2013. С. 19 – 31.

⁹ «Я никогда не был философом академического типа и никогда не хотел, чтобы философия была отвлеченной и далекой от жизни» (*Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря. С. 4). Более акцентировано высказывался он в «Автобиографии»: «...мое мышление интуитивное и афористическое, в нем нет дискурсивного развития мысли. Я ничего не могу толком развить и доказать» (цит. по: *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. II. Ч. 2. – Л., 1996. С. 62).

¹⁰ *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. – М., 1997. С. 9.

¹¹ «Душа России» представляет начальную статью-эссе в разделе «Психология русского народа» книги «Судьба России» (цит. по: *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. С. 226 – 239).

¹² *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. С. 311 – 332.

¹³ Там же. С. 5.

¹⁴ См.: Миросозерцание Достоевского // Н.А. Бердяев о русской философии / сост., вст. ст. и прим. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова. – Свердловск, 1991. С. 26 – 148.

¹⁵ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. С. 264. Здесь вступает в силу тезис о «свободе восьмого дня творенья» (Силантьева М.В. Экзистенциальные проблемы этики творчества Николая Бердяева. – М., 2002. С. 59).

¹⁶ См.: Spinka M. Nicolas Berdyaev: Captive of Freedom. – Philadelphia, 1950.

¹⁷ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909. С. 21.

REFERENCES

Arzhanovsky A. Zhurnal «Put'» (1925 – 1940). Pokolenie russkikh religioznykh mysliteley v emigratsii. – Kiev, 2000.

Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. – Moscow, 1989.

Berdyaev N. Pravda i lozh' kommunizma // Khristianstvo, ateizm i sovremennost'. – Paris, 1969.

Berdyaev N.A. Russkaya ideya. Sud'ba Rossuu. – Moscow, 1997.

Berdyaev N.A. Sbranie sochineniy. T. 1 – 4. – Paris, 1983 – 1991.

Berdyaev N.A. Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya. – Moscow, 1995.

Dietrich W. Provokation der Person. N. Berdjajew in der Impulsen seines Denkens. – Gelnhausen; Berlin, 1974 – 1979.

Gromov M.N. Izbornik 70. – Tver, 2013.

Metamorfozy svobody: spadschina Berdyaeva v suchasnomu diskursi. – Kiev, 2003.

Миросозерцание Достоевского // Н.А. Бердяев о русской философии. – Свердловск, 1991.

Silantjeva M.V. Ekzistentsial'nye problemy etiki tvorchestva Nikolaya Berdyaeva. – Moscow, 2002.

Spinka M. Nicolas Berdyaev: Captive of Freedom. – Philadelphia, 1950.

Vekhi. Sbornik statey o russkoy intelligentsii. – Moscow, 1909.

Zenkovsky V.V. Istoriya russkoy filosofii. T. II. Ch. 2. – Leningrad, 1996.

Аннотация

Статья содержит краткое описание жизни, этапов творчества и особенностей стиля Николая Бердяева. Он был великим русским и заметным европейским философом. Он рассматривается как апологет и одновременно пленник свободы, как яркий представитель экзистенциального персонализма.

Ключевые слова: апология свободы, смысл творчества, стиль мышления, историсофия, персонализм, экзистенциализм.

Summary

The article is devoted to the short description of life, stages of creation and specification of Nikolai Berdyaev's style. He was a great Russian and famous European philosopher. He is analysed as the apologist and also the captive of freedom, as the bright representative of existential personalism.

Keywords: apology of freedom, the sense of creation, the style of mind, historiosophy, personalism, existantionalism.